

А. Н. Муравьев

ПОНЯТИЕ НАЦИИ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДА В «РЕЧАХ К НЕМЕЦКОЙ НАЦИИ» И. Г. ФИХТЕ

К двухсотлетию выхода в свет сочинения «Речи к немецкой нации» Иоганна Готлиба Фихте в хорошо известных не только специалистам сериях «История философии в памятниках» и «Слово о сущем» были опубликованы его первые переводы на русский язык [1; 2]. Интерес к этой самой знаменитой и наиболее неоднозначно оцениваемой работе великого философа (см. об этом: [3, с. 5–7]) сегодня обусловлен тем, что с конца минувшего столетия в России и за её пределами уже не в первый раз выходит на первый план национальный вопрос, не имеющий, как показывает история, простого решения. Сблэзн решить его без долгих размышлений первым делом подталкивает умы к *национализму* — наиболее характерной ошибке рассудка (в старых учебниках логики и в «Критике чистого разума» Канта эта ошибка называется паралогизмом), который под влиянием ущемлённого или гипертрофированного чувства народной гордости принимает наличную особенность духа народа за его действительную всеобщность и пытается навязать эту особенность другим народам. Ущемление гипертрофированного чувства гордости народа в условиях монополистически-концентрированного капитала доводит национализм до степени нацизма, переходящего к уничтожению других народов. *Интернационализм*, желая избежать опасной националистической ошибки, допускает ошибку противоположную, не менее грубую, ибо трактует всеобщность духа как абстракцию, исключая существенные особенности духа различных народов. Поскольку национализм и интернационализм сходятся в своём стремлении свести цветущее многообразие форм народной жизни к лишённому различий мёртвому тождеству, постольку естественной реакцией рассудка на его собственные крайности выступает *мультикультурализм*. Он настаивает на признании особенностей культур разных народов равно существенными, однако лежащее в основании такого признания представление о всеобщности духа как сумме всех его наличных особенностей оказывается не исправлением, но простым сложением националистической и интернационалистической ошибок. Крах попыток реализации названных концепций, выстроенных на абстрактных и потому ложных посылах, вновь делает национальный вопрос предметом выдающегося теоретического и практического значения¹. После того как сама история

Муравьев Андрей Николаевич — канд. филос. наук, доц., РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: muravyo-
van@yandex.ru

¹ В январе 2012 г. попытку решения национального вопроса на основе интернационализма, итоги которой, подведённые в 1971 г. постановлением XXIV съезда КПСС о возникновении в СССР советского народа, не помешали распаду этой страны, от имени В. В. Путина было предложено повторить в России. Справедливо выступая против национализма и сепаратизма, губительных для российского государства, автор опубликованной в «Независимой газете» программной статьи «Россия: национальный вопрос» утверждает: «Мы многонациональное общество, но мы единый народ». У заинтересованного читателя сразу возникает вопрос: какой? Советского народа уже нет. Тогда какой же? Русский? Тоже нет, ибо русский народ назван в статье одним из сотен этносов, населяющих Россию (правда, за ним, в отличие от всех других этносов, признаётся великая миссия «стержня, скрепля-

© А. Н. Муравьев, 2013

в XX столетии доказала, что ни особенное без всеобщего, ни всеобщее без особенного реально существовать не могут, понятие нации перестало быть отвлечённой теоретической проблемой. Ныне более нельзя — неизвестно, на каком основании — полагать, что нации уже существуют как эмпирический факт и сводить проблему к тому, чтобы аналитически выделить их общие черты, а затем синтезировать из этих черт какую-то дефиницию нации, как это сделал, например, И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и национальный вопрос» [5]. На повестку дня встают два вопроса: во-первых, философское осмысление понятия нации и, во-вторых, разработка способа реализации её философски осмысленного понятия, ибо только при этих предпосылках оно может выступить как объективная реальность в духе народа, действительно способного стать нацией.

Что дают «Речи к немецкой нации» для постижения понятия нации и решения проблемы национального самоопределения народа? Чтобы ответить на заданный вопрос, обратимся к содержанию «Речей» и сформулируем положения, составляющие вклад И. Г. Фихте в исследование столь деликатной материи.

Именно Фихте первым ясно осознал, что действительное национальное самоопределение народа осуществимо только посредством его воспитания. Это основное положение «Речей к немецкой нации», раскрытое в них настолько, насколько позволил принцип и метод фихтевского учения, сегодня гораздо более актуально, чем два века назад, ибо в наше время проблема национального самоопределения стоит не перед одним немецким народом, как в начале XIX столетия, а в некотором смысле — перед всеми народами, если они не хотят быть втянутыми в третью мировую войну. Народы мира, разумеется, этого не хотят, но без решения указанной проблемы вполне могут быть в неё втянуты, как могли быть и были втянуты в Первую и Вторую мировые войны, причём оба раза при непосредственном участии немцев. Уже дважды немецкий народ силится стать нацией негодным путём военной экспансии, т. е. за счёт жизненного пространства и сил других народов, а не единственно возможным способом сознательного развития своего собственного духа во времени мировой истории, как предлагал ему Фихте. Выдвигая своё предложение, мыслитель исходил из того, что французская оккупация сделала невыполнимым его прежний проект превращения Германии в замкнутое торговое государство, который должен был полностью автономизировать хо-

---

ющей ткани) уникальной полиэтнической «цивилизации русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар...»). Определения этого единого народа в статье не найти, ибо «пресловутое национальное самоопределение», по словам её автора, есть только средство борьбы отдельных политиков за власть и геополитические дивиденды, а «насквозь фальшивые разговоры о праве русских на самоопределение» приравниваются к разговорам о расовой чистоте. Речь идёт лишь о некоем «культурном коде» — о «русской культурной доминанте, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности». Они-то и составляют «нашу гражданскую нацию», указывает автор, поясняя, что именно её рождение в 1612 г. ежегодно празднуется у нас 4 ноября как День народного единства — «день победы над собой». Далее утверждает, что в этой нации исторически соединены достоинства американского «плавильного котла», ассимилирующего мигрантов, и европейского мультикультурализма, отвергающего интеграцию через ассимиляцию. Поскольку же автор сознаёт, что такой антиномичный гибрид может существовать лишь идеально (в «мировоззрении, скрепляющем нацию», которое в статье призываются воспитывать школа и массовая культура, т. е. телевидение, кино и Интернет), разработку и осуществление реальной «стратегии национальной политики, основанной на гражданском патриотизме» в статье предлагается возложить на специальную государственную структуру. Она, опираясь на силу закона и правоохранительных органов, должна будет отвечать «за вопросы национального развития, межнационального благополучия, взаимодействия этносов» [4].

зайтвенно-политическую жизнь немцев и тем самым, между прочим, предохранить их от националистического соблазна участия в грабеже других народов [6]. Вместе с тем благодаря оккупации перед немецким народом возникла возможность начать одновременно четвёртую и пятую (завершающую) эпоху истории человечества — эпоху разумной науки и разумного искусства². Разумной наукой Фихте считал философию в форме разрабатываемого им наукоучения, а разумным искусством — искусство национального воспитания и образования на основе философии как разумной науки. Для Фихте немецкой нации поистине ещё нет и никогда не было, ибо она может стать действительностью только путём этого совершенно нового воспитания немецкого народа — его воспитания в нацию. «Любое иное обозначение единства или национальной связи либо никогда не имело истины и значения, либо, если имело, то эти точки обретения единства уничтожены и оторваны от нас теперешним нашим положением и никогда не смогут возвратиться», — категорически утверждает он в первой речи [8, S. 548; ср.: 2, с. 53].

Философ полагает, что потеря немцами политической независимости означает для них закономерное завершение третьей эпохи мировой истории, когда источником всех жизненных стремлений служит лишь эгоизм, т. е. голое чувственное себялюбие отдельных индивидов, связанных друг с другом в общественное целое исключительно страхом за свою жизнь и надеждой на её счастливое продолжение. Поэтому Фихте проводит принципиальное различие между субъективным *представлением о нации*, которым в эпоху эгоизма просвещённый рассудок заменил разрушенное им старое религиозное представление о хранимом богом единстве настоящей и будущей жизни людей, и *понятием нации*, которому предстоит обрести объективную реальность в результате процесса национального воспитания, поскольку он добавит в ход исторического времени новейший — философский — элемент самопознания разума (до четвёртой эпохи разум действует в истории бессознательно). Согласно рассудочному представлению, нацией считается любая совокупность индивидов, достигших гражданского согласия в форме государства, способного в борьбе с другими государствами отстоять свою независимость и обеспечить своекорыстные интересы составляющих его граждан. Этот формально-правовой модус эмпирического существования нации, нашедший теоретическое выражение в теориях социального договора от Гоббса до Руссо, был уничтожен на территории Германии наполеоновским завоеванием. Однако военное поражение, по Фихте, нисколько не затронуло сущности немецкого народа. Более того, положив конец эгоистическому существованию немцев, оно оставило для них открытым только путь истинного национального возрождения посредством изменения всего прежнего способа воспитания, ибо объективной целью этого изменения как раз и выступает реализация в их новой жизни понятия нации как таковой.

Реализовать понятие нации может, по Фихте, отнюдь не любая совокупность индивидов и даже не любой народ, но только тот народ, который ко времени возникновения такой возможности сохранил свою единую сущность. Её единство заключается в субстанциональной связи духа народа с его родиной, т. е. с определённым местом его рождения и дальнейшего пребывания на Земле — с той внешней природой, на лоне которой

---

² Свой взгляд на ход мировой истории, число и порядок его необходимых эпох Фихте незадолго до «Речей» развернул в цикле лекций «Основные черты современной эпохи» [7]. Краткое изложение фихтевской философии истории как предпосылки «Речей к немецкой нации» можно найти в статье А. А. Иваненко [1, с. 11–21].

этот народ изначально располагает, живёт и действует. Фихте, взяв на себя задачу доказать в наукоучении абсолютную свободу духа, не признаёт за оседлостью народа, не говоря уже о чистоте его крови, почти никакого значения по сравнению с сохранением народом родного языка. При этом он вовсе не отрицает того, что в родном языке, который с развитием народа переходит от звукового обозначения предметов чувственного восприятия к чувственным образам сверхчувственных (мыслимых) предметов, чувственная определённость предметного мира природы, служащего для духа народа родной почвой и первым полем деятельности, играет определяющую роль. Напротив, поскольку действительной свободы нет без необходимости и лежащего в основании последней закона, Фихте специально оговаривает безусловную необходимость этого определения. «Язык вообще, а особенно обозначение в нём предметов путём звучания орудий языка никоим образом не зависит от произвольных решений и договорённостей, но имеется, во-первых, основной закон, по которому каждое понятие в человеческих орудиях языка становится этим и никаким иным звуком, — указывает он. — Как предметы в орудиях чувств единичного отображаются с этой определённой фигурой, цветом и т. д., так в орудии общественного человека, в языке, они отображаются с этим определённым звуком. Говорит не собственно человек, а в нём говорит и обнаруживает себя другим, ему равным, человеческая природа. Потому следует сказать: язык есть один-единственный и насквозь необходимый. Правда, во-вторых, язык в этом своём единстве для человека просто как такового никогда и нигде не выступает, но повсюду дальше изменяется и образуется действиями, которые оказывают на орудие языка область Земли и более или менее частое употребление, а на последовательность обозначения — последовательность наблюдаемых и обозначаемых предметов. Однако и это происходит не произвольно или приблизительно, а по строгому закону; необходимо, чтобы в орудии языка, стало быть, определённом упомянутыми условиями, выступал не один и чистый язык человека, а отклонение от него, причём как раз это определённое отклонение» [8, S. 598–599; ср.: 2, с. 112–113]. Поскольку человеческая природа есть не абстракция рассудка, безжизненная и неопределённая, а живущее разумной жизнью конкретное и потому различающееся в себе самом на множество своих особенных определений всеобщее единство, постольку на Земле по необходимости существует определённое множество особенных языков и народов. Конкретно-всеобщее тождество человеческой природы Фихте в «Речах» называет по-разному: то «разумной жизнью» [8, S. 615; ср.: 2, с. 132], «живой жизнью» [8, S. 635; ср.: 2, с. 155], «изначальной жизнью» [8, S. 659; ср.: 2, с. 184], «изначальным» и «изначальностью» [8, S. 667–668; ср.: 2, с. 193–194], то, используя восходящее к Аристотелю религиозное представление о Боге, «одной, чистой, божественной жизнью» [8, S. 647; ср.: 2, с. 169], «изначальной и божественной жизнью» или даже просто «божественным» [8, S. 667–668; ср.: 2, с. 193–194]. Эта всеобщая сущность, или духовная природа человеческого рода, определённым образом сказывающаяся прежде всего в родном языке народа, а через язык — во всех явлениях народной жизни, делает народ именно этим, особенным, т. е. совершенно своеобразным, тождественным себе народом. В отличие от народов, которые вследствие переселения утратили не только родину, но и родной язык, а вместе с ним самотождественность, такой народ, по Фихте, есть *изначальный, коренной народ, или пранарод*. Словом, он есть просто *народ* — народ как таковой. Поэтому, согласно философу, понятие народа включает в себя сохранение народом своего изначального местопребывания и родного языка: «Находящиеся под теми же самыми внешними влияниями на орудие языка, вме-

сте живущие и продолжающие образовывать свой язык в непрекращающемся общении люди называются народом» [8, S. 599; ср.: 2, с. 113].

Если укоренённость в родной почве, сохранение субстанциальной связи духа народа с природой его родины позволяет народу как таковому оставаться потенциально способным при соответствующих условиях на свой лад развиваться в нацию как таковую, то действительным залогом его национального развития выступает сохранение им родного языка, ибо только это гарантирует народу непрерывное единство всей жизни его духа. Именно в родном, или по-немецки — материнском, языке (*die Muttersprache*) строго определённым, особенным способом являет себя всеобщая сущность всякого живого языка — та самая единая природа человеческого рода, в силу которой индивиды этого народа обозначают схваченное ими сверхчувственное не произвольными, а необходимыми, непосредственно ясными и понятными всем другим его индивидам чувственными образами. Фихте излагает открытую им закономерность развития живого языка следующими словами: «При всех изменениях, вносимых в продвижение языка упомянутыми выше обстоятельствами, эта закономерность не прерывается; и именно там, где новое, высказанное каждым единичным, достигает слуха всех, остающихся в непрерывном общении, она остаётся той же самой одной закономерностью. После тысячелетий и после всех изменений, которые в этих обстоятельствах испытало внешнее явление языка этого народа, всегда остаётся та же самая одна, изначально, стало быть, долженствующая вырваться наружу живая сила языка природы, которая непрерывно изливалась через все условия и в каждом из них должна была стать такой, какой она стала, в их конце — такой, какова она теперь, а через некоторое время, значит, станет такой, какой она тогда должна стать» [8, S. 599; ср.: 2, с. 113]. Поэтому при неизбежно случающихся со временем мутациях внешних звуковых форм такого самого по себе и для народа естественного языка его сверхчувственное содержание всегда остаётся одним и тем же — изначально единым и живым, из себя самого развивающимся понятием, чьё необходимое развитие столь же выражает прошлую жизнь и уже достигнутое изначально народом познание, сколь в настоящем побуждает его к новой, будущей (т.е. поистине национальной) жизни и познанию. «Эта сверхчувственная часть в языке, всегда продолжающем оставаться живым, чувственно-образна, — подчёркивает Фихте, — она при каждом шаге сводит целое чувственной и духовной, в языке изложенной жизни нации в законченное единство, чтобы обозначить одно точно так же не произвольное, а из всей прежней её жизни необходимо происходящее понятие, из которого и его обозначения острый взгляд, обращённый назад, может шаг за шагом воспроизвести всю историю образования нации» [8, S. 609; ср.: 2, с. 124–125].

Родной язык есть неиссякающий духовный родник, исток и устье из века в век текущей реки народной жизни, ибо он есть система речи одного животворящего народ духа — речи устной, изначально живой и в силу этого не сводящейся к мёртвой букве многих слов, написанных и читаемых людьми в книгах. На том, изначально родным или изначально чужим ему языком говорит тот или иной народ, основывается установленная в «Речах к немецкой нации» противоположность между немцами и другими народами германского происхождения. Поскольку, согласно Фихте, непрерывность жизни духа народа хранит именно родной ему язык (отчего народ, в сущности, есть *сущий язык*, как отнюдь не метафорически выразился А. С. Пушкин в одном из хрестоматийных стихотворений), перемена романо-германскими народами своих родных, германских языков на чужой, уже развитый для выражения сверхчувственного латин-

ский, сделавшая из них «новых римлян» [8, S. 621; ср.: 2, с. 139], означает для мыслителя утрату живых корней, питающих их дух, т. е. духовную смерть этих народов, несмотря на видимость благополучного продолжения ими внешнего эмпирического существования. Поэтому Фихте говорит в «Речах» большей частью не о языке народа, а о народе языка. С точки зрения философа, каков язык, таков и народ: народ мёртвого, т. е. изначально чужого ему языка мёртв, сколь бы живым он ни казался и сколь бы блестящие победы над другими народами он ни одерживал, а народ живого, т. е. изначально родного ему языка жив, какие бы невзгоды и поражения он ни терпел. Он жив своим живым языком, поскольку тот несёт в себе постепенно отливающуюся в понятие действительную историю особенного народа, которая выступает первым из необходимых условий его становления настоящей, а не лишь представляемой нацией. Эта история не совпадает с видимой временной последовательностью множества касающихся народа эпизодических происшествий, тоже именуемой его историей. По мысли Фихте, народы мёртвого языка, замкнувшего уста их родной речи, имеют только последнюю — внешнюю, эмпирическую историю многих явлений, которая служит исключительно их книжному просвещению, в связи с чем философ называет её «плоской и мёртвой историей чужого образования», «голой историей как просветительницей» [8, S. 605; ср.: 2, с. 120]. Изначальный же народ, помимо этой общей для разных народов внешней истории, благодаря родному языку непрерывно переживает уникальную историю образования своего собственного духа, т. е. генетический процесс развития своей единой сущности, или всеобщей человеческой природы³.

Действительная история народа выступает *первым необходимым условием* его национального самоопределения потому, что только стихийно образовавшееся в ходе исторического генезиса нации необходимое понятие этого народа, т. е. конкретное единство всеобщего (собственно человеческого, родового), особенного (принадлежащего именно этому изначальному народу) и единичного (свойственного его индивидам) содержания духа, может быть сформировано совершенно по-новому — сознательно и свободно. Конец обусловленному обстоятельствами развитию народного духа полагает сама безусловная необходимость духовной свободы, заключённая в понятии и вполне обнаружившая себя в ходе его стихийного развития. Свидетельством того, что время бессознательного, генетического развития понятия нации в действительной истории народа подошло к концу, является, по Фихте, завершение исторического развития философии в науку духом индивида, принадлежащего этому народу и говорящего на родном ему языке. Это событие постольку служит *вторым необходимым условием* возникновения из народа действительной нации, поскольку свободная реализация её понятия осуществима лишь на основании философии как науки. Наличное бытие двух необходимых условий — особенного предмета, или содержания (в себе разумной жизни народа), и всеобщего метода, или формы развития этого содержания (разума, сущего для себя в философии как науке), — составляет реальную возможность *третьего необходимого условия* национального самоопределения народа. Третье условие выступает решающим, поскольку оно представляет собой соединение двух первых

---

³ Намеченное Фихте различие внешней, видимой, эмпирической истории народов и действительной истории их духовного, т. е. собственно человеческого развития, которая включена во всеобщую, мировую историю образования духа и происходит на её основе, разовьёт Гегель. Его единомыслие с Фихте в этом пункте выразится и в том, что для обозначения первой он будет применять слово иноземного происхождения *die Historie*, а для обозначения второй — коренное немецкое *die Geschichte*.

в сам процесс национального воспитания. Вследствие соединения в этом процессе предмета и метода, особенного содержания и всеобщей формы, он с необходимостью достигает своей конкретной цели, а именно сознательной реализации понятия нации в духе каждого единичного, чья жизнь вместе с жизнью всех других единичных, воспитанных в том же духе, в процессе национального воспитания становится разумной не только в себе, но и для себя. Достижение такого конкретно-всеобщего результата произойдёт тогда, когда благодаря разумному искусству воспитания всех и каждого философское познание и деятельность, наука и жизнь целого народа сольются наконец в изначально завершённое, систематически развивающееся единство. Это и будет новым, вторым рождением изначально народа, его действительным рождением в качестве нации, ибо нация, согласно её понятию, есть, выражаясь по-гегелевски, в себе и для себя сущий дух народа как такового. Иными словами, действительной нацией выступает только тот особенный народный дух, который завершил свою действительную историю и таким образом достиг, исходя из себя самого, своей всеобщности — истинного начала своего бесконечного развития.

Итак, действительная нация, согласно Фихте, есть изначально народ в своём высшем духовном развитии — в своей истине, или в своём отечестве. «Что такое любовь к отечеству, или, как было бы правильнее выразиться, любовь единичного к своей нации?» — спрашивает он в начале восьмой речи [8, S. 663; ср.: 2, с. 189]. Философ именно потому строго различает в «Речах» значение слов «родина» (*die Heimat, das Mutterland*) и «отечество» (*das Vaterland*), что отечество есть для него не что иное, как реализованное народом понятие нации, т. е. «народ в высшем значении слова, с точки зрения взгляда на духовный мир вообще: целое продолжающих жить друг с другом в обществе и всегда продолжающих природно и духовно производить себя из себя самих людей, которое без всякого исключения находится под действием одного известного особенного закона развития божественного из него. Общность этого особенного закона есть то, что в вечном и именно поэтому также во временном мире связывает это множество в одно естественное и самим собой проникнутое целое. <...> Этот закон, закон развития изначально и божественного, совершенно определяет и вполне завершает то, что называли национальным характером народа» [8, S. 667–668; ср.: 2, с. 193–194]. Завершение становления этого характера означает, таким образом, что особенный народ достиг высшей, всеобщей определённости единства единичных индивидов друг с другом, стал нацией как таковой — «насквозь сращённым единством, в котором ни один член не считает судьбу никакого другого чужой ему судьбой» [8, S. 549; ср.: 2, с. 53]. Поскольку действительная нация есть такая связь человека с человеком, которая «связывает всех единичных в одну единокордную общину равно разумного образа мыслей» [8, S. 700; ср.: 2, с. 233–234], постольку она представляет собой отнюдь не преходящий естественноисторический (этнический) феномен, а достигнутый во времени вечный духовный результат всего естественноисторического процесса. Поэтому каждый из единичных индивидов, действовавших всеобщим, т. е. разумным способом, обретает в нации как таковой своё действительное, а не воображаемое бессмертие. «Вера благородного человека в вечное продление его действительности также на этой Земле основывается поэтому на надежде на вечное продление народа, из которого он сам развился, и своеобразия этого народа по указанному скрытому закону, без вмешательства и порчи чем-то чуждым и не принадлежащим к целому этого законодательства, — говорит Фихте. — Это своеобразие есть то вечное, которому он вверяет вечность себя самого и своего

длящегося действия, вечный порядок вещей, в который он влагает своё вечное; его продления он должен желать, ибо один лишь этот порядок есть для него разрешающее от бремени средство, которым краткая протяжённость его жизни здесь расширяется до жизни, не прекращающей здесь длиться. Его вера и его стремление взрастить непреходящее, его понятие, в котором он постигает свою собственную жизнь как жизнь вечную, есть узы, теснейшим образом связывающие с ним самим в первую очередь его нацию, а посредством неё — целый человеческий род и вводящие в его широко распаханное сердце все их потребности до конца дней. Это и есть его любовь к своему народу — любовь прежде всего уважительная, доверительная, радующаяся народу, почитающая происхождение из него. В нём явилось божественное, а изначально почтило его народ, сделав своей оболочкой, своим непосредственным средством истекания в мир; поэтому и далее из него будет пробиваться божественное. Это, кроме того, любовь деятельная, действующая, жертвующая себя народу. Жизнь лишь как жизнь, как продолжение изменяющегося наличного бытия без этого никогда не имела для него ценности, он желал её только как источника длящегося; но эту длительность обещает ему одно только самостоятельное продление его нации; чтобы спасти её, он должен хотеть даже умереть, чтобы она жила, а он жил в ней единственной жизнью, какой всегда желал» [8, s. 668–669; ср.: 2, с. 194–195].

Если свести воедино все рассмотренные положения Фихте, то получится, что нация есть внутренняя цель естественноисторического развития народа, окончательно реализующая себя в результате основанного на философской науке процесса воспитания его всеобщей самости, или национального характера. В том-то и состоит необходимость национального самоопределения народа, что народ нарождается (т. е. в определённых природных условиях исторически становится народом) как раз для того, чтобы заново родиться в своём духе и истине, стать действительной нацией. Вот почему действительная нация есть нация единого народа, а не так называемая «гражданская нация» множества обособленных друг от друга граждан. По ходу своего развития народ, стало быть, сначала обретает родину-мать и лишь затем — отечество, в которое ведёт только светлый путь национального воспитания, на основе философии сознательно развивающего потенциально всеобщую особенность духа народа в актуальную всеобщность его разумного отношения к природе, к себе самому и к другим народам.

Продолжая мысль Фихте, в заключение следует сказать, что для того, чтобы обрести отечество, в истинной мере выказав свой национальный характер, народ должен совершить революцию в способе образования своего духа. Для этого ему необходимо свободно (а не произвольно, как народы мёртвого языка) прервать своё непрерывное историческое развитие — обратить поток своей жизни вспять и, отправившись восвояси, вернуться к себе самому как её истинному истоку. Переродиться, возродиться, т. е. *родиться заново*, во второй раз, или, как иначе говорят по-русски, *родиться свыше* — значит по-новому продолжить течение жизни духа народа в русле, каким эта жизнь изначально стремилась углубиться в себя, чтобы найти в себе самой своё всеобщее основание и раскрыть его. Из этого ясно, что известное положение Христа: «Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ин. 3:3) обращено не только к единичным индивидам, но и к особенным народам. «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в царствие Божие: Рождённое от плоти есть плоть, рождённое от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше» (Ин. 3:5–7). Это положение по содержанию совершенно совпадает с тем, что говорит

Фихте о необходимости второго рождения народа — его возрождения в качестве нации. Лишь такое коренное, действительно революционное преобразование всего способа жизни народа в состоянии спасти то единое сверхчувственное содержание, которое было выработано народом в его протекшей истории, ибо сохранить особенное содержание можно лишь развив и тем самым преобразив его, т. е. придав уже свойственному духу народа понятию всеобщую форму путём его сознательного систематического образования, развёрнутого на основании философии как науки (см. об этом: [9]). Переворот в способе развития понятия венчает, стало быть, не только действительную историю образования духа народа, но и мировую историю образования человеческого духа, замыкая ту и другую в вечный круг развития всеобщего через особенное и единичное к себе самому (см. об этом: [10]). Но если в ходе стихийной истории человечества всеобщая природа человеческого рода, по необходимости прокладывая себе дорогу через условия жизнедеятельности особенного народа к духу единичного, достигала своей реальности в каком-то народе и индивидуе случайно, только в виде исключения, что оставляло их одинокими среди иных, ещё не достигших человечности народов и индивидов, то в ходе этой национальной и вместе с тем мировой революции человечность со временем осуществится без каких-либо исключений. Случайность исключается этой действительной революцией потому, что процесс свободного воспитания всеобщности духа начинается с единичного и охватывает сперва всех единичных, принадлежащих одному особенному народу, а затем и все другие особенные народы. Каждый из этих народов вступает на путь национального самоопределения в свой срок, т. е. по достижении его духом необходимой степени зрелости, и образует себя в нацию так, как того требует его духовное своеобразие.

Литература

1. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации (1808) / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2008. 335 с.
2. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации / пер. с нем. А. А. Иваненко. СПб.: Наука, 2009. 348 с.
3. Иваненко А. А. «Речи к немецкой нации» спустя 200 лет // Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. С. 5–42.
4. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Программа правительства Санкт-Петербурга «Толерантность»: Петербург объединяет людей. URL: <http://spbtolerance.ru/archives/6673> (дата обращения: 14.10.2012).
5. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Библиотека Михаила Грачёва. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t2/t2_48.htm (дата обращения: 14.10.2012).
6. Фихте И. Г. Замкнутое торговое государство // Фихте И. Г. Сочинения: в 2 т. Т. II. СПб.: Мифрил, 1993. С. 225–358.
7. Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И. Г. Сочинения. СПб.: Наука, 2009. С. 398–596.
8. Fichte J. G. Reden an die deutsche Nation // Fichte J. G. Werke in zwei Banden. Bd II / hrsg. von Peter Lothar Oesterreich. Frankfurt am Main: Deutscher Klassiker Verlag, 1997. S. 539–788.
9. Муравьёв А. Н. Философия и образование (Историко-философский анализ) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2005. № 5 (10). С. 239–250.
10. Муравьёв А. Н. Борьба за логос, настоящую философию и образование // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, вып. 3. С. 103–111.

Статья поступила в редакцию 25 октября 2012 г.